

Библиографический список

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2000. Т. 2.
2. Александр Иванович Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 9–10.
3. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.
4. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия первая. Часть 1. СПб., 1908.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 669. Оп. 1. Д. 3.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 523. Оп. 1. Д. 1.
7. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства в 1917 г.: в 7 т. М.; Л., 1924–1927.
8. Муравьев Н. К. «О работе Чрезвычайной следственной комиссии». Доклад на Первом Всероссийском съезде Рабочих и Солдатских депутатов // Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 1917. № 95. 18 июня.
9. Промышленность и торговля в законодательных учреждениях 1907–1912 гг. СПб., 1912.
10. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг.: в 2 кн. М., 1992. Кн. 2.
11. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005.

А.В. Лопухова

Самарский государственный университет

П.А. СТОЛЫПИН И ВСЕРОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ

Партия русских националистов – Всероссийский национальный союз (ВНС) – была образована в начале 1910 г. на базе думской фракции. Этому предшествовал процесс размежевания в правом секторе, выделения умеренно-правых и национальной группы с образованием соответствующих партий, а затем их слияния в одну русскую национальную фракцию. Думская деятельность будущих националистов стала, таким образом, решающим фактором в их организационном становлении.

Столыпин рассматривал III Государственную думу как важный инструмент успокоения и реформирования страны. Его стратегия предполагала проведение реформ совместными усилиями правительства и Думы. В произнесенной им речи перед депутатами III Думы есть такие слова: «Россия не может не быть недовольной... Недовольство это пройдет, когда обрисуется и укрепится русское государственное самосознание. Когда Россия почувствует себя опять Россией! И достигнуть этого возможно при одном условии: при правильной совместной работе правительства с представительными учреждениями» [1, с. 263–264].

Именно для этой правильной «совместной работы» Столыпину необходимо было создать в Думе устойчивое большинство, на которое он мог бы опереться. Главную ставку Столыпин сделал на «Союз 17 октября», но настоящую поддержку он получил только благодаря фракции русских националистов. Октябристы не давали гарантированного большинства в Думе. Им необходимо было искать поддержку либо в правом, либо в левом секторе Думы. Однако, несмотря на попытки кадетов договориться с октябристами и их стремление создать в Думе «конституционный центр», правительство предпочло право-октябристский альянс.

Советская историография в вопросе взаимоотношений правительства и Думы опиралась на высказывания В.И. Ленина, который утверждал, что новый избирательный закон целенаправленно создавал в Думе два большинства – черносотенно-октябристское и октябристско-кадетское, попеременно опираясь на которые намерено балансировать правительство Столыпина [2, с. 111]. Работа Думы изучалась с точки зрения существования механизма «двух большинств», где октябристы рассматривались как партия «центра», которая обладала возможностью проголосовать либо с правым крылом Думы, чтобы провести законопроекты, направленные на борьбу с революцией, либо с кадетами, чтобы создать иллюзию о возможности реформ [3].

Но правые не были едины. Существование в Думе фракции русских националистов, выделившихся из правого сектора Думы, разрушало эту схему. Вместе с октябристами они составляли думское большинство, которое поддерживало предлагаемые Столыпиным законопроекты. Изучение взаимоотношений националистов и Столыпина позволяет раскрыть принципы работы III Государственной думы в складывающемся механизме взаимодействия новых органов власти.

Идея сотрудничества октябристов и правых возникла еще до начала работы Думы. Октябристы и правые смогли договориться о составе президиума, поделив должности между собой. «Россия» приветствовала это «единение правых и центра, которое дало столь блистательные результаты» [4]. Однако трения в группе правых начались практически сразу. Далеко не все правые разделяли идею сотрудничества с октябристами. Другим серьезным поводом для разногласий стало отношение к Государственной думе, что отчетливо проявилось во время обсуждения всеподданнейшего адреса. Все правые стояли за самодержавие, но к Государственной думе отношение было неодинаковым. В отличие от крайне правых, умеренно-правые признавали законодательный характер Думы и в своих речах заявляли о представительном образе правления. Государственная дума рассматривалась ими как полноправный участник законотворческого процесса.

Дискуссия, в которую были втянуты депутаты, восторга у них не вызывала. В итоге октябристы в обмен на снятие милюковской поправки проголосовали против включения слова «самодержец». Адрес был принят 13 ноября фактически в первоначальной редакции, т.е. без указаний на самодержавие и на конституцию. Умеренно-правые присоединились к тексту адреса, выработанному октябристами.

П.А. Столыпин, выступивший через три дня в Думе с правительственной декларацией, произнес речь об исторической самодержавной власти и о новом представительном строе, закончив ее под аплодисменты в центре и справа. После этого и определилось думское большинство, состоящее из октябристов и умеренно-правых, объединявшееся вокруг Столыпина. Совместное голосование октябристов и кадетов против поправки о «самодержавии» носило компромиссный и случайный характер. По мнению Ольденбурга, союз, сложившийся 13 ноября, «совершенно не соответствовал общей политической обстановке. В пылу борьбы октябристы проголосовали вместе с кадетами, но по существу оставались их противниками. Столыпин сумел восстановить положение. Он искренне верил в необходимость представительного строя, он считал, что в думе есть большинство, желающее сотрудничать с властью» [5, с. 332].

В ответ на декларацию правительства А.И. Гучковым от имени «Союза 17 октября» и фракции умеренно-правых была внесена формула перехода к очередным делам. Это предложение можно расценивать как первое серьезное совместное выступление думского большинства, складывающегося из октябристов и умеренно-правых. Кро-

ме этой формулы было предложено еще пять. 22 ноября состоялось голосование. Все шесть формул были отклонены, причем формула октябристов и умеренно-правых – всего лишь 182 голосами против 179. Председатель объявил, что вопрос исчерпан, и Дума приступила к другим делам, так и не приняв формулы перехода.

По воспоминаниям Н.В. Савича, Столыпин сразу после неудачи с формулой перехода усилил свою работу в смысле организации прочного большинства, благодаря своему громадному престижу и влиянию среди депутатов. Он показал себя другом народного представительства и человеком, понимавшим сущность работы законодательного учреждения [6, с. 33]. А уже 23 ноября «Россия» сообщала: «Вопрос о соглашении между умеренно-правыми и октябристами, по словам первых, за последние дни сильно подвинулся вперед. Обе стороны, входящие в соглашение, вполне довольны взаимным корректным поведением в Государственной Думе, отвечающим высокому ее назначению» [7].

После прений по правительственной декларации жизнь III Думы вошла в колею. Началась будничная работа, язвительно прозванная «законодательной вермишелью». В декабре-январе от крайних правых отмежевалась национальная группа, лидер которой, князь А.П. Урусов, заявил, что группа будет действовать совместно с фракцией умеренно-правых [8].

Наиболее важным для Столыпина среди его проектов был указ 9 ноября 1906 г., рассмотренный Думой во вторую сессию. При постановочном чтении наиболее остро встал вопрос о принципе личной собственности. Этот принцип отстаивал сам Столыпин, выступивший в Думе 5 декабря. Интересно отметить, что крестьяне, состоявшие во фракции умеренно-правых, в отличие от крестьян из других фракций, полностью поддержали премьера. Принятие законопроекта «Россия» комментировала следующим образом: «Представители оппозиции стараются мелочными поправками исказить смысл и существо закона, но твердое соединение центра и части правых дает все время около 2/3 голосов в его пользу». В итоге указ был принят голосами октябристов, умеренно-правых, национальной группой, частью крайне правых, польским колом, частью прогрессистов. Это было внушительное большинство. Та же ситуация повторилась в Думе и при обсуждении закона 29 мая 1911 г.

Вопрос о наличии в Думе прочного большинства, поддерживающего правительство, с особой остротой встал в связи с министерским

кризисом 1909 г. В разгар министерского кризиса произошло конституирование партии умеренно-правых, что стало отправной точкой в создании объединенной фракции и партии националистов. Одни были склонны видеть в этом интригу правых, стремившихся сместить главу правительства и тем самым подготавливающих почву для нового премьера. Другие, наоборот, утверждали, что националисты выдвигаются по инициативе Столыпина, что свидетельствует о «поправлении» правительства и перемещение любви и благосклонности премьера с октябристов на новую партию. На самом деле положение о разладе между Столыпиным, октябристами и умеренно-правыми во время министерского кризиса 1909 г. весьма спорное. Возникновение партии умеренно-правых следует рассматривать в свете возможных политических комбинаций в Государственной думе, куда Столыпин собирался внести очень важные для него законопроекты. Для этого он должен был быть уверен в устойчивости думского большинства. Во время министерского кризиса стало ясно, что крайне правые не поддерживают премьера и их соединение с оппозиционными группами в Думе делает возможным провал правительственных проектов. Необходимо было укрепить правительственное большинство, и шаги в этом направлении были предприняты. 9 апреля состоялся политический обед, в котором участвовали президиум Думы и лидеры октябристов и умеренно-правых. Лидеры большинства пришли к заключению, что законодательной работе Думы ничто не угрожает и что она будет продолжаться нормально совместно с теперешним правительством [9].

Также весьма спорно и предположение о претензии умеренно-правых на роль нового центра в Думе, поскольку надежда на устойчивый центр из правых элементов была весьма призрачна. Этот вопрос был рассмотрен на заседании совета фракции. Вопрос был поставлен так: что выгоднее для фракции умеренно-правых – выделение правых октябристов и их слияние с умеренно-правыми или сохранение status quo? Почти все члены совета единодушно высказались за желательность сохранения status quo. Совместная работа с крайними правыми, как показал опыт, невозможна. Таким образом, новый центр мог бы образоваться только из умеренно-правых, небольшой группы националистов и правых октябристов, а этого недостаточно для устойчивого центра. Поэтому раскол во фракции октябристов, который неизбежно приведет к уходу левого крыла в 50–60 человек в оппозицию, признан нежелательным [10]. После этого совет решил возобновить

попытку устройства клуба центра для закрепления связей с фракцией 17 октября.

Тем не менее разногласия между правительственными партиями все же возникли. Причиной стали вероисповедные законопроекты, которые стали рассматриваться Думой сразу после завершения министерского кризиса. Правых не устраивали поправки, внесенные в правительственные законопроекты думской комиссией, состоявшей из октябристов. Умеренно-правые, считая, что редакция вероисповедной комиссии неприемлема, отстаивали свою точку зрения совместно с правыми.

В конце мая – начале июня все три вероисповедных законопроекта были приняты Думой голосами октябристов и оппозиции и переданы в Госсовет. Вся левая печать ликовала: «Октябристско-кадетское большинство в действии!» Но нельзя рассматривать это голосование как характерный пример бонапартистской политики Столыпина, осуществляемой им через Думу, как это делалось в советской историографии. Во-первых, Столыпин не опирался на октябристско-кадетское большинство, напротив, правительственный вариант реформы поддержали правые, во-вторых, думской практикой принятие законопроектов подобной комбинацией не стало. Да и сами октябристы и умеренно-правые оценивали ситуацию иначе. Хомяков еще во время обсуждения законопроектов замечал: «Левый фланг потому и голосует с октябристами, что другого выхода у него нет. Лучше получить что-нибудь, чем ничего». А лидер умеренно-правых П.Н. Балашов упрекал печать в том, что та напрасно раздула разногласия умеренно-правых с октябристами по старообрядческим законопроектам.

Эти законопроекты действительно не имели столь принципиального значения, куда большую важность для Столыпина имели проекты волостного управления и реформы местного суда, которые должны были быть рассмотрены Думой в ближайшее время.

Несомненную важность для премьера имело объединение умеренно-правых и национальной группы, в результате которого появилась русская национальная фракция. С ее появлением укреплялось прежнее столыпинское большинство. По отношению к III Думе, общала «Речь», правительство было озабочено только одним – созданием прочного думского большинства. Правительство, естественно, интересовалось при этом соотношением различных думских групп, но определенного плана создать вместо теперешнего большинства

другое у правительства никогда не было. В последнее время, как утверждают, представителям думского большинства удалось вообще доказать, что помимо умеренно-октябристского большинства никакое другое большинство, на которое могло бы опираться правительство, невозможно [11].

В Думе, по сообщениям в прессе, только и говорили о том, что с образованием новой национальной фракции думский центр упрочился и получил устойчивость. П.Н. Балашов в интервью так определял политическое значение нового факта: «Теперь центр, т.е. мы и октябристы, обладает абсолютным большинством голосов – 230. Мы не зависим больше в своих голосованиях ни от крайних правых, с одной стороны, ни от прогрессистов, с другой» [12]. Литовцев язвительно замечал по этому поводу: «Сердечная гармония умеренно-правых и октябристов, кажется, празднует новый медовый месяц. В приданое умеренно-правые приносят октябристам националистов, еще недавно почти не отличавших себя от правых... хотя по существу их симпатии вполне на стороне законопроекта о местном суде» [13].

Расчеты Столыпина вполне оправдались. Проект местной реформы суда, который обсуждался в течение третьей сессии, и волостной законопроект, рассмотренный Думой в четвертую сессию, были приняты благодаря совместным усилиям националистов и октябристов.

Законопроект о западном земстве, ставший поводом для второго министерского кризиса 1911 г., вызвал критику премьера всеми партиями. Националисты были единственными, кто полностью оправдывали действия Столыпина. Гучков, как известно, ушел с поста председателя Думы, но все же готовность идти на сотрудничество с Кабинетом министров у октябристов сохранилась. Родзянко был избран голосами правооктябристского большинства. «Утро России» писало: «Решались вопросы: Алексеенко и полный разрыв с правительством или Родзянко и тесный союз с правыми фракциями». Кадеты расценивали избрание Родзянко как полную капитуляцию октябристов перед правыми. «Выбор Родзянко, – писала “Речь”, – есть примирение со Столыпиным. Точнее говоря, это есть сдача руководства той части III Думы, которая с премьером и не ссорилась» [14].

Таким образом, если детально рассматривать деятельность Думы, то станет очевидным, что в ней фактически действовало одно большинство, состоящее из националистов и октябристов. Все наиболее

значимые для Столыпина законопроекты были проведены через Думу при содействии умеренно-правых и октябристов. Ими были поддержаны указ 9 ноября, законопроект о землеустройстве, проект волостного управления и реформа местного суда. Трещина в этом сочетании возникла при обсуждении вероисповедных законопроектов, которые прошли голосами октябристов и оппозиции. Прежний механизм сотрудничества вскоре был восстановлен при помощи объединения умеренно-правых и национальной группы в русскую национальную фракцию, которая не создавала новый центр, как считают многие историки, а укрепляла прежнее столыпинское большинство.

Невероятная преданность и строгая приверженность политике Столыпина связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, процесс идеологического становления и организационного оформления Всероссийского Национального Союза еще не был завершен, в то время как его создатели уже оказались в водовороте политических событий и начали непосредственно участвовать в законотворческой работе. Столыпин аккумулировал для них те идеи и принципы, которые еще не были четко сформированы в программных терминах, но следование и проведение в жизнь которых они считали своим долгом.

Во-вторых, в среде националистов не было руководителя, который мог бы силой своего авторитета создать столь прочное объединение. Отсутствие авторитетного лидера имело большое значение в формировании отношений между националистами и премьером. Для них Столыпин был тем политиком, с которым они связывали надежды на преобразование России, вокруг которого они объединились и которого полностью поддержали.

Столыпин был главным политическим союзником националистов. Вплоть до кончины Столыпина между ними продолжалось тесное сотрудничество. В Думе националисты всегда отстаивали правительственный вариант проектов. Созвездие «Столыпин-Гучков-Балашов» было, по выражению В.В. Шульгина, «поясом Ориона» – все, что предлагалось Столыпиным, если с ним были согласны Гучков и Балашов, имело большинство и проходило через Думу [15, с. 123]. Таким образом, анализируя отношения националистов с правительством Столыпина, можно заключить, что на протяжении всего периода их отличало дружное взаимодействие, основанное на совпадении интересов и воззрений. В лице Столыпина националисты получили прежде всего лидера, а Столыпин приобрел единомышленников.

Библиографический список

1. Речь П.А. Столыпина в Государственной Думе 31 марта 1910 г. // П.А. Столыпин. Нам нужна Великая Россия. М., 1992.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 13.
3. Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966; Черменский Е.Д. История СССР. Период империализма. М., 1959; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; Его же. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988.
4. Россия. 1907. 6 ноября.
5. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Ростов-на-Дону, 1998.
6. Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993.
7. Россия. 1907. 23 ноября.
8. Речь. 1907. 6 декабря.
9. Там же. 11 апреля.
10. Там же. 30 апреля.
11. Там же. 24 октября.
12. Там же. 27 октября.
13. Там же. 25 октября.
14. Там же. 1911. 23 марта.
15. Шульгин В.В. Годы. М., 1990.

О.А. Чернов

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

П.А. СТОЛЫПИН И Н.В. ЧАРЫКОВ В ПЕРИОД БОСНИЙСКОГО КРИЗИСА

25 января 1908 года Н.В. Чарыков был назначен товарищем министра иностранных дел. А 13 апреля того же года получил повышение и при Дворе стал гофмейстером [1]. В августе 1908 года А.П. Извольский отправился в отпуск. Во главе Министерства иностранных дел оказался Н.В. Чарыков.

Между тем в Австро-Венгрии начинается процесс по аннексии Боснии и Герцеговины. 17 августа Н.В. Чарыков получает записку от начальника Генерального штаба российской армии Ф.Ф. Палицына, в которой сообщалось о принятом правительством Австро-Венгрии решении аннексировать Боснию и Герцеговину [2, с. 116]. Н.В. Чары-